
**КНИГА «БАРИАРМАНИЙАС», ИЛИ «ОБ ИСТОЛКОВАНИИ» /1/
ВО ИМЯ АЛЛАХА
МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО.**

I. Слова – выразители [мысли] /2/.

Осмысленные речения /3/ бывают простыми, указывающими на простые идеи. И [бывают] сложными, также указывающими на простые идеи. Они бывают сложными, [когда] указывают на сложные идеи.

Осмысленные речения, указывающие на простые идеи, бывают трех родов: имя, глагол и орудие /4/.

Имя /5/ есть речение, указывающее на простую идею. Оно может быть понятно само по себе, не указывая по своей структуре и не акцидентально на определенное время, в которое существует эта идея.

Глагол /6/ есть простое речение, указывающее на простую идею. Оно может быть понятно само по себе, [и при этом] оно не акцидентально, а по своей структуре указывает на определенное время, в которое существует эта идея. Определенное время – это прошедшее, настоящее и будущее.

Орудие /7/ – это речение, которое указывает на простую идею. Оно не может быть понятно само по себе вне связи с именем или глаголом, например [такие частицы], как «от», «на» и подобные им [частицы].

(с. 134) Все эти три рода [речений] сочетаются таким образом, что каждое из них указывает на простую идею, а об имени [можно] говорить, что оно есть речение [могущее быть] в составе сложного и простого [речений]. Примерами сложного речения [могут быть]: «Кайс Айлан», «Абд Шамс»; простого – «Зейд», «Амр». Оба [вида] этих речений указывают на простую идею.

[Речение], обусловленное [наличием] имени и глагола, в указании посредством них на идею таково, что может быть понято само по себе, поскольку оба они в отличие от частицы [имеют свойство] быть связанными в идее. А то, что затем обуславливает его отрицание в определении имени, то это то, посредством чего имя отличается от глагола, а это по сути является условием его соответствия в определении глагола, и таким условием в определении глагола является быть указанием на время не акцидентально, ибо многие люди думают, что всякое имя [может] указывать на время, поскольку для них всякая вещь существует в [какое-то] время, как, например, «человек», «животное», и из этого делается вывод, что все вещи существуют в какое-то время акцидентально, а если они поняты так, то это не обязательно влечет за собой понятие времени, например [касательно] «человека» и «животного».

Хотя каждая из этих вещей и существует в какое-то время, однако их имена не указывают на время их [существования] сущностно, но если и указывают, то, несомненно, акцидентально. [Что касается] глагола, то он не акцидентально указывает на время, а, напротив, сущностно и с необходимостью, ибо время с глаголом связано неразрывно. Глагол обусловлен быть указанием на время по своей структуре, чтобы через него [можно было] вывести речения, указывающие на виды движения, как, например, «ходьба», «бег», ибо идеи эти, если поняты, обязательно влекут за собой [появление] в уме [понятия] времени, и только такого времени, которое связано с ними акцидентально, поскольку они неразделимы со временем, ну а если время неразделимо с ними, то речение не дает понятия времени ни по своей структуре, ни по своей форме. Но время при наличии этих идей должно сопутствовать им извне, как, например, «вставание» и «сидение». Хотя это свойственно только людям и животным, речения своими формами не указывают, [относится ли это] к человеку и животному, ну а если это было бы так, то [только] акцидентально.

Если бы речения сущностно указывали на время, связанное с ними, то каждое речение указывало бы на некую одну вещь, а если время, связанное с идеей, указывало бы посредством этого речения на другие вещи (с. 135), то это речение вместе с указанием на эту идею указывало бы и на те другие вещи, связанные с ней. В действительности же необходимо, чтобы множество речений указывали на бесконечное число вещей. Это создало бы условие для того, чтобы, указывая на определенное время, [можно было] через них получить речения, указывающие через имена на неопределенное время их существования, как, например, «быстрота», «медлительность», ибо оба они указывают на время, поскольку их сутью является время, но время это неопределенное, оно [не соотносимо] ни с прошедшим, ни с будущим, ни с настоящим. Затем это создало бы условие для нашего высказывания о времени, в котором существует эта идея, чтобы [можно было] вывести речения, указывающие на определенное по своей сути время, как, например, «сегодня», «вчера», «завтра». Ибо каждое из них указывает на время, по своей сути определенное не относительно идеи, существующей в данное время, и не относительно [какого-то промежутка] этого времени.

Глагол наряду с указанием на время [существования] идеи также отвлеченно указывает на субъект [суждения] и имеет нечто общее с производными именами, как например, «ударяющий», «храбрый», «красноречивый». Глагол по своей сущности также указывает на существование идеи чего-то, а поэтому сам по себе ограничивается своей связью с субъектом суждения. Это происходит не из-за того, что по своей структуре он должен отвлеченно указывать на субъект. А если бы это было так, то производные имена сами по себе ограничились бы своей связью с субъектом, [при этом] нуждаясь в глаголе существования, либо с явно выраженным именем в речении, либо – с

местоимением. Из этого следует, что глаголу необходимо быть сопряженным производным именам в указании на субъект, без чего не обходится [ни одно] суждение и в чем для связи нуждаются производные имена, и тогда они по своей структуре также будут указывать на то, на что указывают глаголы существования, связанные с предикатными именами.

Имена могут быть определенными и неопределенными. Неопределенным /8/ имя становится тогда, когда оно связывается с частицей отрицания «не», оба они представляют собой форму одного слова. Такие слова почти не встречаются в языке арабов, (с.136) разве что среди заимствованных, таких, как, например, в наших высказываниях «человек – никто», «дирхем – ни что». Таких видов слов много в других языках: в греческом, сирийском, персидском, например, «нечеловек», «несправедливый», «незнающий», «невидящий». Из этого не следует думать, что они суть одно выражение, составленное из двух слов. Неопределенные имена не считаются [входящими в состав] умозаключений у тех народов, которые ими пользуются, но их формы для них являются формами простых предложений и им подобных вещей, имеющих самостоятельный [статус]. Не следует также думать, что [это формы] суть отрицание из-за их связи с частицей отрицания, потому что их значения в тех языках, в которых используют подобные имена, являются значениями утверждения и прежде всего тех вещей, которые у них указывают на виды лишения, например, в таких выражениях, как «невидящий», [которое] у них указывает на слепого, «незнающий» - на невежественного, «несправедливый» - на притеснителя и тирана и тому подобные [вещи] относительно неопределенных имен.

Имя может быть склоняемым /9/ и правильным /10/. [Имя можно назвать] склоняемым, если оно по сущности своей является вторым членом сопряженного состояния в двух взаимодополняемых вещах, будь он указателем с точки зрения того, что является первым членом сопряженного состояния, или с точки зрения того, что содержится в другом высказывании. Условием для этого [должно быть таким], чтобы оно было именем для второго члена сопряженного состояния сущностно, потому что определение становится определением тогда, когда оно выражает то, за чем оно следует как форма сопряженной конструкции, как, например, в нашем высказывании «Зейд, у него есть богатство». [Слово] «у него» следует за [словом] «Зейд» и раскрывает его [путем] добавления к нему [слова] «богатство», оно становится для него определением, но не сущностно. А поэтому это имя [нельзя назвать] склоняемым. Этот обычай имеет место в каждом языке, [а именно] быть для второго члена сопряженной конструкции (определение в родительном падеже – К.Т.) таким знаком, по которому можно определить в данном языке, что оно является таковым, как если бы, изменяясь по флексиям, оно особо выделялось в данном языке как имя – определение.

Речения, назначение которых быть связанными со склоняемыми именами, если это касается всех частиц отношения, как в нашем высказывании «у Зейда», «с Зейдом», «от Зейда», «в Зейда» и других, являются орудиями отношения. А что касается других речений, то эти речения суть сопряженные конструкции, будь они [выражены] именами или глаголами, как в наших высказываниях (с. 137) «имущество Зейда», «слуга Зейда», «раб Зейда», «отец Зейда», «бьющий Зейда», «побитый Зейдом» или «бил Зейда», «бьющий Зейда», «бьет Зейда». Вместе с этим также могут вводиться и частицы отношения, как [в следующих наших] высказываниях «имущество для Зейда», «раб для Зейда», «наносающий удар для Зейда».

Следует знать, что идафные (сопряженные – К.Т.) конструкции не есть определения, они суть те, о которых мы упоминали в наших высказываниях «бьющий Зейда», «побитый Зейдом», «имущество Зейда», «раб Зейда», «отец Зейда». Что касается первых членов идафной конструкции, то они таковы, что ради этих [вещей] они стали первыми членами, как в нашем высказывании «Амр, бьющий Зейда». Первые члены идафной конструкции, если связываются с ними, то из них получается такие суждения, как «Амр бил Зейда», «Амр господин Зейда», «Амр вместе с Зейдом».

Имя бывает правильным, если оно лишено идафной связи, не являясь именем ни для первого, ни для второго члена идафной конструкции или будучи именем первого члена из двух соотносимых вещей, ровно как если бы оно было именем для него с точки зрения того, что оно является первым членом идафной конструкции, или с точки зрения того, что оно является другим высказыванием, или будучи именем для второго члена не по своей сущности, а как следующее за тем, чему это присуще, или будучи другим речением, относящимся к нему в качестве определения того, что в данном языке известно как правильное имя, как в нашем высказывании «Зейд, у него есть имущество», «Зейд, его отец Амр», «Зейд ударил», «Зейд испытал Амра», как это обычно имеет место в каждом языке, когда для правильного имени имеется знак в речении, посредством которого в данном языке оно известно как правильное с установлением для него единых падежных окончаний либо для всех их [форм], либо для большей их части, правильное первообразное имя через идафную конструкцию выражается так: «человек животное», а имя «Зейд» для первого члена [идафной конструкции], в высказывании «Зейд отец Амра» будет правильным, а «Амр» - склоняемым. Второй член идафной конструкции, следующий за ним, есть определение, как в нашем высказывании «Зейд, у него есть имущество», и определение в форме глагола, как в нашем высказывании «Зейд ударил». В частности, склоняемое имя, если к нему присоединить глагол существования, то никакого суждения не образует, ни истинного, ни ложного, как в нашем высказывании «у Зейда было или есть». Правильное же имя, если его сочетать с любым глаголом существования, то

из него [можно] получить суждение, и оно будет либо истинным, либо ложным, как в наших высказываниях «Зейд был», «Зейд нашел».

В арабском языке принято, чтобы большая часть правильных имен при флектировании имело форму именительного падежа, а [неправильные], имеющие отклонение имена – форму винительного и родительного падежа. Последние называются флективными именами. Речения, которые называются последующими и метонимическими, то примером [этого могут служить местоимения] «я», «ты», «тот», [а также префиксы и суффиксы] «ха», «та», «каф» и им подобные [вещи] в арабском языке, а также те, что заменяют их в других в других языках, имеющих отношение к именам в суждениях, как в наших высказываниях «ты делаешь», «я делаю», «я сделал», «ты сделал».

Глаголы также бывают правильными и неправильными (имеющие отклонение). Неправильные таковы, что указывают на прошедшее или на будущее время, а правильные – на настоящее время. Глагол может быть определенным и может быть неопределенным, но это в языке арабов не обнаружено, а это потому, что если частицу «не» связать с глаголом, в арабском языке это будет указывать на отрицание. Что касается других языков, то неопределенный глагол в них не означает отрицания так же, как и неопределенные имена тоже не означают отрицания.

Глаголы делятся на глаголы существования и на глаголы, которые таковыми не являются. Глаголы существования – это такие глаголы, которые в составе с предикатным именем указывают на его связь с субъектом, на его наличие для субъекта и на определенное время, в которое предикатное имя имеется для субъекта, как в наших высказываниях: «Зейд был справедливым», «Зейд будет справедливым». Когда эти глаголы используют как связывающие, то предикаты сами по себе не существуют, на самом же деле их используют в форме предиката, чтобы с их помощью [можно было] установить истинность сказываемого о другом. Предикаты сами по себе могут использоваться для получения через них суждений, как в наших высказываниях: «Зейд нашел», «Зейд был», если под этим понимаются события его существования.

Имя бывает субъектом, не нуждаясь при этом быть соединенным с чем-то. Оно не бывает предикатом без присоединения к нему глагола существования, либо выраженное словом, либо местоимением. Глагол бывает предикатом, не нуждаясь быть соединенным с чем-то, он не бывает субъектом без того, чтобы соединиться с ним каким-либо видом связи, как в наших высказываниях, о которых речь шла выше.

Частицы же сами по себе не бывают ни сказуемыми, ни подлежащими. Они [могут] быть частью предиката или частью субъекта. Сложные речения, [таким образом], (с. 139) состоят из трех родов [речений], которые были перечислены нами.

Высказывание есть сложное предложение, указывающее на целокупность какой-либо идеи, часть которого указывает не акцидентально, а сущностно на часть этой идеи. Когда мы о нем говорим как о части, указывающей на часть этой идеи, то в сложном предложении выделяется то, что указывает на простую идею, как в нашем высказывании «раб короля», которое является прозвищем для человека. Часть предложения не указывает на часть этого человека, о нем говорится как о части, указывающей [на идею] не акцидентально, выделяя, [таким образом], то, чтобы быть прозвищем для какого-либо человека как «раба короля» или быть данному человеку «рабом какого-либо из королев», и тогда о нем скажут, [используя] данное имя двояко: в одном из них как прозвище, в другом – как качество. Если его используют как качество, то часть его будет указывать на часть идеи, а если как прозвище, то часть его будет указывать на часть идеи не сущностно, а акцидентально. Высказывание будет сущностным, если в нем имя обозначает качество, а что касается того, что имя использовано как прозвище, то это высказывание будет акцидентальным, поскольку, так уж случилось, ему быть таким высказыванием.

Высказывания бывают полными и бывают неполными. Родов полных высказываний, согласно [мнению] большинства древних, [насчитывается] пять: категоричность, повеление, мольба, требование, призыв.

Категорическое высказывание, истинное оно или ложное, состоит из предиката и субъекта. Все остальные четыре рода ни истины, ни ложны, кроме как акцидентально. Повеление, мольба, требование – их формы в арабском языке одни, они [могут] различаться в соответствии с тем, кто говорит и кому говорят, если начальник подчиненному, это будет повелением, если подчиненный начальнику, то это будет мольбой, если равный равному, то это будет требованием. Призыв же есть нечто общее, используемое в трех остальных [родах высказываний], и каждый из них состоит из имени и будущего [времени] глагола. [Форма] будущего времени глагола в призыве, как это обычно происходит, бывает не явно выраженной, эти глаголы таковы: «внимай и слушай» и также те, что их замещают. Они не содержат в себе открытых заявлений и почти (с. 140) бывают одними и теми же, не [подвергаясь какому-то ни было] изменению. Но если одна из двух частей призыва явно выражает ту из них, которая связана с отрицательной частицей «не», тогда каждая из них становится двумя видами противоположения. Что касается категорического [высказывания], то оно может быть [и в форме] утверждения [и в форме] отрицания, повеление [может] стать приказанием или запрещением, то же самое относится и к мольбе, и к требованию, однако для каждого из них для противопоставления одного другому в арабском языке не было замечено соответствующего имени.

Что касается призыва, то в нем не явно выраженный глагол передается только как высказывание посредством утверждения со стороны того, кто не

призывает кого-то, чтобы тот не слушал и не внимал. Что касается приказа и запрещения, то для них в арабском языке нет названия, которое бы объединяло их, и мы вынуждены называть их вместе одним именем, и это есть повеление.

Неполное высказывание это всякое высказывание, могущее быть частью одного из пяти [родов высказываний]. Люди полагают, что те высказывания, которые не являются категорическими, могут быть ложными или истинными. Они также полагают, что они бывают истинными тогда, когда [в них] преследуется цель посредством повеления или чего-то другого, [соответствующего] остальным четырем [родам высказываний], чтобы тот, кто обращается [с речью], мог сделать то, что возможно в нем самом, или то, что он мог бы сделать для себя.

Высказывания [могут] быть ложными, если они преследуют цель сделать то, что невозможно и что не является повелением относительно того, о чем высказываются. А это бывает тогда, когда формы [высказываний] остаются в своем положении, ни истинными и ни ложными, но эти формы могут меняться на формы утверждения, и через них после замены положения образуется понятие, которое [мы имеем] через их первые формы, и тогда они становятся истинными или ложными. Действительно, высказывание «Зейд, тебе следует подчиниться» является категорическим, но если заменить положение нашего высказывания [формой] «Зейд подчинись!», оно становится повелением. Тот, кто соглашается с этим, тот считает, что оно истинно или ложно, поскольку сила [этих форм] в какой-то степени является силой категоричности, и тогда оно будет истинным и ложным только акцидентально, или потенциально не по своей структуре и не по своей форме. Что касается категорического высказывания, то оно будет истинным или ложным по своей сущности и по своей структуре, но не акцидентально.

Имена бывают метафорическими и переносными, бывают общими и такими, о которых говорят по соглашению, они бывают такими, которые называются о вещи общим и частным образом, они бывают омонимичными, синонимичными и (с. 141) производными.

Имя, которое называется о вещи посредством метафоры, является таким именем, которое указывает на сущность вещи в установленном для него порядке, всегда через установленное первичным образом имя, которым время от времени обозначают другую вещь, связывая ее с первым [именем] посредством любого вида связи, то есть такого, что не позволит [нарушить] установленный порядок для второй вещи быть указателем ее сущности.

Переносное имя – это [когда] берется известное имя, которое изначально было установлено как значение для сущности какой-то [одной] вещи, затем оно становится значением сущности какой-то другой вещи, оно остается общим и для второй, и для первой вещи спокон веков. Это относится к таким

вещам, которые изобретаются в возникающих искусствах, но до этого они не были известны широкой публике и для них у нее не было имени, тогда они переносили на изобретаемые вещи имена известных и подобных им вещей. Это были такие имена, которые имели у нее обращение и обладали самым близким сходством.

Имя которое сказывается [о вещи] общим образом, это такое имя, которое сказывается через изначально установленную одну форму о многих вещах, не указывая при этом на одну идею, объединяющую их, или это одно имя, сказывающее через ту первую форму, которая была установлена для многих вещей, определение каждой из них при равнозначности указания на них этим именем не есть определение другой.

Имя, которое сказывается [о вещи] по соглашению, это такое имя, которое сказывается первичным образом о многих вещах, указывая на одну идею, объединяющую их, или это такое имя, которое сказывается о многих вещах, и определение каждой из них при равнозначности их значений значению этого имени является по сути своей определением другой [вещи].

Различие между переносным и общим именем таково, что общее имя – это имя, в котором общность установлена первичным образом и ни одно из двух [общих вещей] не предшествует по времени этому имени. Переносное [же] имя таково, что одно из них предшествует другому по времени. А второе становится прозвищем по первому, после чего в них проявляется общность.

Общие имена [подразделяются на такие], которые сказываются о многих вещах о которых устанавливается соглашение, например, имя «□айн», которое сказывается об органе, которому присуще зрение, и об источнике воды, и [на такие], которые сказываются о двух вещах с тем, чтобы уподобить одну из них другой не по идее, на которую указывает данное имя через одну из вещей, а (с.142) по какой-то акциденции, например, «человек» и «лошадь», о них обоих сказывается как о «животном». А имя «животное» указывает по отношению к одному из них как то, что оно является «питающимся» и «чувствующим», а по отношению к другому берется только форма «питающегося» и «чувствующего». К общим именам относятся и такие, которые сказываются о таких вещах, которые имеют одинаковые свойства для различных вещей, например, «фундамент стены», «сердце животного», «край дороги», ибо каждое из них являет собой «начало», потому что «фундамент» стены имеет такое же отношение к стене при ее создании, как отношение «сердца» животного к [самому] животному, поскольку оно есть нечто первое, возникающее и находящееся в теле.

Среди общих имен есть такие, которые сказываются о многих вещах, имеющих свойство одной цели, как в наших высказываниях «военный человек», «военная лошадь», «военное оружие», «военная речь», «военная книга». [Слово] «война» есть [некая] цель для всех этих вещей: человек готов к

войне, лошадь и оружие используют в войне, речь побуждает к войне, книга есть то, из чего узнают, какой бывает война. Либо бывают такие, которые имеют отношение к одному [виду] деятельности, как в наших высказываниях «медицинская книга», «медицинское лечение», «медицинский инструмент», ибо «медицина» является [видом] деятельности, [способом] использования и связью с одним делом, не будучи для всех этих вещей одной целью или одной формой деятельности, но имеющих к этой одной вещи [отношение в виде] различных свойств, как в наших высказываниях «винный виноград», «винный цвет», где «вино» являет собой такую одну вещь, которой свойственны два различных вида связи: виноград относится к вину как то, что вино является его целью, а цвет как то, что похоже на цвет вина.

Имя, которое сказывается о вещи общим и частным образом, это такое имя, которое присуще роду и его подвидам. По сути это имя является прозвищем для некоторых видов этого рода как то, что есть вот этот данный вид, и это имя будет сказываться об этом виде с двух различных сторон, с одной стороны – общим образом с точки зрения того, что имеют общее с ним сопричастные ему виды, поскольку имя рода сказывается обо всех его видах; с другой стороны – частным образом, а это если использовать для него прозвище, указывающее на его сущность с точки зрения того, что он есть вот этот данный вид. Различные имена, [таким образом], (с.143) есть многие имена, каждое из которых указывает не на то, на что указывает другое, или одинаковое определение одного из них бывает неодинаковым определением для другого.

Продолжение в следующем номере